

ОТДЕЛ
РЕЛИГИОЗНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

М. Н. ГАВРИЛОВ.

I

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

II

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ
ТВОРЧЕСТВА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.

Брюссель 1954.

Печатается с разрешения церковных властей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖИЗНЬ С БОГОМ».

BIBLIOTHECA ALFONSIANA
Louvain.

C.B.D.R.O. 73, A. Buyl
Bruxelles.

Введение.

В основе всякого стремления к совершенству в будущем лежит ясное сознание несовершенства в настоящем. Надо, чтобы стало лучше, потому что сейчас, в лучшем случае, недостаточно хорошо. Но как бы ни было значительно улучшение, которого мы достигаем, остаются вечные беды — злоба, болезни и смерть, от которых нет исцеления и которые сами собою сводят на нет все те жалкие улучшения нашего земного существования, которых люди, в отдельности ли, либо народы в различные эпохи своего исторического существования, иногда достигают. « Мир во зле лежит ». И, может быть, никогда, ни в одну историческую эпоху зло и бессмыслица жизни не обнажались с таким очевидным бесстыдством, как именно в наши тяжёлые и важные по их значению дни.

Но и раньше, в течение всех предшествовавших веков, тоже царствовал в мире ад, хотя, может быть, не так явно, как теперь.

Смерть и убийство с роковой необходимостью господствовали в мире и, что страшнее и непонятнее всего, сам мучающийся в болезнях и скорбях, сам боящийся смерти человек давал на это свое одобрение и согласие. Человек, единственное существо в мире, призванное бороться с хаосом, с беспорядком и со всяким злом, именно человек возвел, в конце концов, в высший идеал не что иное, как народ, вооружённый до последних пределов для поглощения или истребления всех других народов, или же, вместо народа, класс или партию, которые тоже должны вооружиться, чтобы истребить всех несогласных и непокорных.

Можно ли это изменить? Можно ли изменить, исправить лежащий во зле мир? Можно ли уничтожить зло и как?

За все века своего существования человечество знало только два ответа на эти вопросы. Эти два ответа были всегда совершенно противоположны один другому, но, надо добавить, не всегда принимали достаточно отчетливую и определенную форму. Наша эпоха особенно замечательна тем, что именно теперь оба эти ответа стали совершенно ясными и как бы неотразимыми; и это настолько, что каждый, уяснивший себе суть дела, не может не понять, во-первых, что третьего ответа нет и быть не может и, во-вторых, что каждый обязан этот выбор сделать.

Начнем с первого ответа. Это ответ так называемого материализма, который нашел свое самое полное и окончательное выражение именно в диалектическом материализме или в марксизме, ставшем, как известно, у нас на родине обязательной религией.

Диалектический и исторический материализм утверждает, прежде всего, что человек не есть творение и сын Божий, а только лишь продукт и часть природы, которая в нем и через него достигает

своего преобразования. Марксист, так же, как и христиан, понимает и утверждает, что мир во зле лежит.

Зло это, по утверждению марксистов не произошло ни по чьей вине: « греха » марксист не понимает и о « грехе » ничего знать не хочет. Зло, по марксистскому пониманию, есть естественный недостаток. Если это так, то и преобразование мира можно достигнуть одними природными и человеческими силами или даже, точнее, силами и средствами чисто материальными и экономическими.

В сущности, по марксистскому учению, природа сама собою, через человека доходит до своего конечного преобразования, и вот как это происходит. Извечно существующая материя извечно находится в движении. В этом движении материя сама собой, в силу восходящего процесса развития, производит все более и более высокие, все более и более сложные, все более и более развитые формы своего существования, — сначала организмы, а потом и человека и, вместе с тем — сознание и психическую жизнь.

Правда, сам человек, да и вообще жизнь, есть, скорее всего, « незначительный побочный продукт процессов, текущих в материи », даже, скорее « болезнь, которой начинает страдать материя на старости лет » или, еще, « ничтожнейшая плесень на поверхности земли » (1).

И вот дальнейший процесс преобразования мира совершается этой болезненной « плесенью », человеком, первой победой которого является познание законов развития природы.

Этим человек подчиняет себе природу до того, что он получает « власть над внутренним строением вещества и сможет использовать любые его количества и в любых местах нашей планеты. И только ли планеты? Человек сможет получать любые количества энергии и направлять их на любые цели » (2).

Но этого мало: подчинение человеком природы доходит и до того, что во власти человека лежит — согласно новой советской биологической теории — даже производить изменение видов и искусственно направлять развитие природы соответственно своему усмотрению и своим надобностям.

Но человек, уже освобождающий себя от подчинения природе, пока еще подлежит другой, весьма тягостной необходимости, а именно социальной.

И вот великое откровение в учении Маркса видят именно в том, что он вскрыл законы общественного развития, указав в экономической деятельности решающую и всеопределяющую причину исторического развития и ключ к пониманию всех законов, которым подчиняется общественная жизнь людей. Таким образом человек приобрел способность сознательно направлять также и общественно-историческое развитие.

(1) См. статью Бориса Агапова, напеч. в Известиях, № 304. Перепечатана в журнале « Новое Слово », 19 января 1941, № 3 (332), стр. 6.

(2) См. Указ. статью Агапова, там же.

Посредством планового хозяйства в коммунистическом бесклассовом обществе, в котором уже не будет эксплуатации человека человеком, советский человек сможет, как он думает, по своему желанию направлять весь ход истории, не только в социально-экономическом, но и в культурно-духовном отношении, и таким образом создать новый мир и новый тип человека.

Тогда человек будет иметь полную власть не только над природой, но и над исторической необходимостью; « это будет прыжок из царства необходимости в царство свободы », мир будет, наконец, избавлен, словно искуплен из того бедственного состояния, в котором он теперь находится.

Все это учение не только безбожно, но и противобожно; оно включает в себе чисто натуралистическое учение об избавлении мира от зла, об искуплении; мир воспринимается, как нуждающийся в преобразении, но преобразование должно совершиться исключительно силами природными и человеческими, в конечном счете, одними только силами материи. Создается преобразование мира, но преобразование мира снизу, преобразование, черпающее свои силы от слепых, бездушных и мертвых сил материи.

Такое стремление к преобразению мира снизу, желание совершить это преобразование по своей человеческой воле — не ново. О нем знает уже Ветхий Завет в сказании о построении Вавилонской башни.

Учение о преобразении мира снизу, марксистский материализм, есть новая религия. Это видно из того, что он приписывает божеские свойства человеку. Ибо раз человек получает власть над законами природы и над ходом истории, то он становится промыслителем и, в известном смысле, творцом. Упразднив Бога, пришлось дать нового бога. Этот новый бог — человек, человекобог. Марксова религия не атеизм, а человекобожие, т. е. в конце концов новый вид идолопоклонства.

Есть ли в этой новой материалистической религии учение о нравственности?

Нравственно хорошо с точки зрения материалистического марксистского коммунизма, — все то, что способствует установлению, укреплению и утверждению пролетарской диктатуры в том виде, в каком она осуществляется коммунистической партией, а нравственно плохо — все, что этой диктатуре мешает.

Убийство — вредно или полезно, смотря по тому направлено ли оно на пользу или во вред этой диктатуре; то же можно сказать и о краже.

Хорош или плох разврат, допустимы ли аборт? Мы знаем, что вначале русские большевики мечтали о полной свободе половых отношений. В 1921 году в Киеве ходили парами совершенно голые мужчины и женщины, пося через плечо ленточки с надписью « долой стыд ». Они свободно ездили в трамваях, и никто в это не вмешивался. Существовала гражданская запись брака, но развод совершался по единоличному заявлению одного из супругов, а аборт совершался

свободно и открыто в казенных клиниках, казенными врачами, бесплатно, по первому требованию женщины. Потом это изменилось, но вовсе не потому, что коммунистическая власть осудила разврат или вытравление плода, как безнравственные деяния сами по себе. Нет, это было осуждено только потому, что опыт показал, что такая свобода мешает установлению и развитию пролетарской диктатуры, ослабляет силы подчиненного общества. Иногда, правда, приходится делать уступку традиционной морали. Советский прокурор Крыленко не допустил брака между отцом и дочерью. Почему? Вот резолюция: « Это относится к тем нравственным соображениям, которые так тесно связаны с нашим сознанием, что они несовместимы с подобными законами, даже тогда, когда мы и не сумели бы доказать, что это вредно или полезно ».

Итак, материалистическое учение о преобразении мира снизу не знает дел, которые были бы безнравственны сами по себе, все нравственно или безнравственно в зависимости от того полезно ли оно или вредно для проведения в жизни большевицкого безбожного учения. Ленин учил прямо: « Нужно быть готовым на все: следует даже пользоваться, если нужно, даже употреблять всякую хитрость, прибегать ко всяким незаконным средствам, нужно скрывать истину, лишь бы проникнуть в рабочие союзы, остаться там несмотря ни на что, делать коммунистическое дело »⁽¹⁾.

Нравственное понятие коммунистов вытекает из их материализма: если все идет снизу и все сводится к материи, то нельзя ни объяснить различие между добром и злом, ни увидеть этого различия.

Если бы нравственность зависела от материи, то это не была бы уже нравственность; ибо нравственность имеет безусловный, абсолютный характер; нравственность судит материю; мы осуждаем, мы недовольны экономическими условиями жизни, потому что они несоответствуют нашим нравственным понятиям. Оценка материальных экономических условий зависит от нравственных понятий, а по сему нравственность не может от них зависеть.

Но есть и другое учение о преобразении мира. Преобразование сверху — путь духовный. Это учение христианское. Оно учит о преобразении мира силою Божиею. Зло мира, по этому учению, происходит от греха, от сопротивления воле Божией. Спасение от греха приходит через искупление, дающее людям доступ к божественной благодати. И вот эта благодать, т.е. спасительная сила Божия и, только она одна, преобразит мир, избавит его от зла.

(1) Ленин, О религии, стр. 67.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Для того, чтобы иметь возможность свободно говорить, а, может быть, и размышлять о нашей родине, мы должны были ее покинуть и собраться на чужой земле. Отчего так случилось и долго ли это будет продолжаться? Не нам, современникам, дана будет возможность дать окончательные и всецело объясняющие ответы на только что поставленные вопросы. Однако, и на нас лежит ответственная обязанность уяснить то, что происходит с нами, и то, в чем мы призваны участвовать, ибо лишь только путем надлежащего уяснения, надлежащего осмысливания происходящего мы сможем правильно указать сами себе те пути, по которым мы должны идти : указать на то, что мы делать должны, на то, чего мы делать не должны, на то, с чем мы должны бороться и, наконец, на то, какими средствами должны эту борьбу вести.

Какие же начала заложены в русской культуре? Говорят ли они нам о том, что Россия призвана распространить в мире материализм, повести мир к преобразению снизу, или, наоборот, основы этой нашей родной русской культуры зовут Россию, русский народ к другому, ставят перед ним иные идеалы, идеалы сверхприродного благодатного преобразования мира и всей жизни путем послушания воле Божией?

Культурой в широком смысле слова принято называть совокупность всех произведений творческой деятельности человека.

Сюда входит и то, что необходимо для его физической жизни, и то, что служит удовлетворению его внешних религиозных, эстетических и умственных потребностей, и, наконец, выработанные им формы жизни : государственной и общественной; культура это — вся техника, и затем все формы религиозной жизни, искусство, наука, философия и право.

Русская икона. — В области изобразительного искусства высшее достижение русской культуры — это ее икона. Замечательна и поучительна судьба русской иконы. Появившись вскоре после принятия нашим народом христианства, русская иконопись достигла наибольшего расцвета в XIV и XV веках, и потом, во второй раз, в XVII в. Древние русские иконописцы были не философы, а духовидцы, и мысли свои они выражали не словами, а в красках. Если весь мир « во зле лежит », если зло всегда торжествует, то где же выход из положения и где же тот смысл жизни, ради которого мы живем и ради которого стоит жить?

Вот вопрос, на который эта древняя русская иконопись дает прямой и доступный ответ.

Этот вопрос в те времена тоже ставился жизнью, хотя, может быть все же не так резко и не так остро, как в наши дни. Ведь об «образе зверином», о постоянной неправде этой жизни им напоминали бесконечные орды, терзавшие Русь.

И вот в своих иконах эти древние русские живописцы напоминали о том, что зло и неправда на земле не вечны, что земля спасется от этого, но чем? А тем, что вся вселенная, весь мир, должны стать храмом Божиим. В храм должно войти все человечество, ангелы и вся тварь. Вот в этой идее мирообъемлющего храма заключается надежда на умиротворение всей твари, умиротворение (а не уничтожение одних другими), которое противоплагается факту всеобщей войны и факту всеобщей кровавой смуты.

Эта идея выражается, прежде всего в Византийском куполе — он изображает небесный свод покрывающий землю. Сверху, от Бога, с неба, а не снизу от материи, от земли, придет спасение, преображение.

Наша русская золотая маковка (луковица), напоминает горящую свечу выражающую идею глубокого молитвенного горения, а через это горение небо нисходит на землю, проводится внутрь храма и завершается в куполе: на нем изображена рука Божия, все благословляющая из темно-синего свода. Обыкновенно в русской иконе мало движения; вся жизнь передается глазами, и этим символически выражается необычайная власть духа над телом.

Однако, человек в состоянии безблагодатном, еще «неуспокоившийся в Боге», часто изображается чрезвычайно подвижным.

Русская икона любит изображать всю тварь в виде храма, собора; к этому миру-храму стремятся ангелы, к нему собираются святые, вокруг него вьется райская растительность, а у подножья или вокруг толпятся животные. Все это собрано во едино Духом любви и этим Духом преображается. Жизненный смысл всему этому придает образ Христа, во имя которого все это собирается. Царство это собрано во едино живым общением Тела и Крови. Вот почему изображение Евхаристии — Христос причащающий апостолов — так часто занимает центральное место в древних храмах.

Но если во Христе — Богочеловеке наша иконопись чтит и изображает тот новый жизненный смысл, который должен наполнить все, то в образе Богоматери — Царицы Небесной, Скорой Помощницы и Заступницы, он олицетворяет то любящее Материнское Сердце, которое становится Сердцем Вселенной ⁽¹⁾.

Итак, русская икона говорит о преображении мира сверху, с небес, самое же преображение это совершается превращением этого мира в храм, одухотворенный, собранный любовью. Древняя русская иконопись завещала нам самое глубокое, что

⁽¹⁾ См. Князь Сергей Трубецкой. **Умозрение в красках.**

есть в древней православной русской культуре и, может быть, во всей русской культуре.

Долго ли мы помнили об этом завещании? Нет, очень скоро забыли. До начала первой мировой войны русская икона была совершенно непонятна русскому образованному человеку. Он просто не отличал иконы от густо покрывавшей ее копоти старины. Серьезно думали и говорили о « темных ликах » святых и верили, что древние иконы были темные, а не яркие и только перед войной 1914 г. благодаря изумительным успехам современной техники очистки, открыли и увидели необычайную красоту и яркость древних красок. Лики святых потемнели только потому, что они стали нам чужды; копоть на них нарастала вследствие невнимания и равнодушия к сохранению святыни, а частью вследствие нашего неумения хранить эти памятники.

С этим незнанием **красок** нашей древней иконописи соединилось и полнейшее непонимание ее **духа**. Мы забыли о том учении, которое она содержала. Но мы попрежнему, хотя и неумело, стремились к преобразению мира. Нашим неумением, нашим холодным забвением подлинных начал нашей культуры, мы допустили господство новой теперешней сатанинской веры, той, о которой я говорил в начале. И, странное дело, именно теперь засияли краски наших древних икон. Начатое перед войной 1914 г. дело не остановилось, и именно в большевицкое время безбожного материализма все чаще, все обильнее вспыхивают, как звезды сверху-преображенного мира, яркие краски наших икон, говорящие об единой вечной правде; а в это же самое время происходит непонятное самоочищение потемневших икон — обновление икон, обновление куполов.

Явление важное, о котором следует задуматься.

Во время торжествующего материализма, истинные вечные начала русской культуры **сами** стали о себе говорить. Не есть ли уже в этом некое предречение будущего торжества духовных начал?

Нравственные идеалы русской культуры — ценность человека. — Мы уже говорили о том, что марксистский богоборческий материализм не может дать никаких безусловных нравственных правил. Нравственный закон судит поступки людей, говоря, что одно хорошо, а другое плохо. Но для того, чтобы судить, надо быть выше чем то, что подлежит суду. Нельзя осуждать эксплуатацию человека человеком, исходя из того положения, что человек — не что иное, как болезненная плесень на материи. Почему плохо, если одна плесень вредит другой плесени и почему этому надо мешать? Потому что угнетаемому неприятно? Ну, так что же из этого? Зато угнетатель получает от этого большое удовольствие и возможность глубже и богаче использовать радости жизни.

Эксплуатация человека человеком может считаться злом в

том случае, если человек сам по себе есть бесконечная ценность, весь человек, телом и душой. В этом случае понятно, что человек не может быть средством для доставления удовольствия другому. **Человек — не средство, а цель** (Кант). Величайшая ценность человека, человеческой личности в окончательной форме раскрыта в Библии. Человек — образ и подобие Божие. Обман змия-искусителя в рассказе о грехопадении заключался именно в том, будто Бог не хочет, чтобы и люди были, как боги. Нет, **Бог этого хочет, хочет обожения людей**, но только это обожение не может произойти от человеческого своеволия, от нарушения заповедей Божиих, а лишь от послушания Богу.

Поэтому-то первое до конца обоженное творение, Пресвятая Дева, и была самым послушным Богу человеком, который когда либо жил на земле.

Цель человеческого бытия — совершенное богоподобие, — «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный». И все христианское учение построено на возвышении человека, на вере в человека. Христианство учит нас вере в Бога, но и вере в человека и говорит нам также, что нельзя по настоящему верить в Бога, не веря в человека, т.е. не веря в то, что каждый человек может и должен стать богоподобным. «Не судите да не судимы будете». Мы не можем судить друг друга. Иногда говорят, что в этих словах содержится запрещение осуждать друг друга. Это верно только отчасти. В действительности, мы, конечно, обязаны иметь суждение о нравственном качестве чужих поступков, хотя бы для того, чтобы знать, от чего нам надо удалиться, и чему нам надо подражать, от чего удерживать наших детей и куда их направлять и т.д.

Все это так, но мы не можем производить окончательного приговора над самой личностью другого человека, мы не можем произносить над ним, над его сердцем окончательной оценки.

Сердца людей видит один Бог, Он один их и судит. В этом смысле, произнося суд над другим — говоря «а этот человек — дрянь, так ему и надо», «туда ему и дорога», «собака — собачья смерть» и т.д. мы присваиваем себе Божие право и потому кощунствуем.

Евангелие и история христианской святости учит нас напротив, что в каждом сердце заложены все возможности добра и нравственности: сегодня блудница, а завтра великая святая; сегодня бандит, последний разбойник, а через секунду — праведник достойный райских обителей. Итак, всякий человек не плесень, а величайшее чудо и величайший ценный венец творения Божия, предназначенный к богоподобию. Отсюда понятно почему так драгоценна человеческая жизнь. Понятно почему нельзя человека лишать жизни.

Убивая человека, мы пресекаем путь его возможного совершенствования в Боге, пресекаем путь к тому богоподобию, к

которому он предназначен. Нельзя убивать, или вернее, нельзя совершать действие имеющее своей прямой и единственной целью лишение человека жизни.

Вот эта истина вошла в русскую культуру, как один из ее наиболее постоянных, наиболее стойких идеалов.

Уже в летописном рассказе о св. Владимире повествуется о том, как св. Владимир, приняв крещение, боялся ввести закон о смертной казни разбойников. «Боюсь греха» — говорил он греческому духовенству, настаивавшему на введении у нас византийских законов.

А позже, в XII веке, другой русский князь, Владимир Мономах, в своем поучении к детям прямо пишет: «Не убивайте ни правого, ни виноватого, даже если он повинен смерти». А Владимир Мономах был при этом храбрый воин и защитник русской земли, гроза половцев. В XVIII веке, при Елизавете Петровне (1741-1762) смертная казнь по делам об общих преступлениях (мы не говорим о военных законах и о преступлениях против государственного порядка) была отменена — Россия с этого времени не знала смертной казни за обще-уголовные преступления.

Заветы древней русской культуры перешли и в новую, и в русской литературе и в русской мысли XIX века мы встречаем таких убежденных противников смертной казни, как Толстой, Достоевский и Владимир Соловьев.

Когда произошло цареубийство в 1881 году, когда был убит бомбой царь Освободитель Александр II, то Соловьев и Толстой, каждый по своему, но каждый с одинаковой твердостью настаивали на необходимости помилования подсудимых.

Отношение к делу Соловьева особенно замечательно.

Соловьев считал, что между смертной казнью и убийством врага на войне — огромная разница. Война не имеет прямой целью убийства. Убийство на войне есть лишь одно из средств, в принципе не безусловно обязательных — победы над врагом. Вполне возможно, например, лишить врага возможности сопротивляться, заклепав, скажем, орудия путем ловкого маневра ночью и т.д. Враг будет побежден и убивать не придется. Другое дело смертная казнь: там убийство есть прямая и единственная цель действия. Если победа над врагом на войне мыслима и без убийства, то смертной казни без убийства представить себе нельзя. Отнятие же жизни само по себе не может быть целью наших поступков.

И вот Соловьев обращается к новому императору Александру III, прося его помиловать убийц. Если его царствование начнется с помилования, то это не сможет не послужить укреплению силы монархии, ибо тогда русский царь на деле докажет, что он царь христианский.

Готовясь к отходу в мир иной, наш великий полководец Суворов находил в своей истекшей жизни мало хорошего,

мало действительно великих дел. В частности свои военные подвиги он расценивал низко т.к. он совершал их побуждаемый славолобием и человеческой гордыней. Но среди немногих дел, которые он все же мог поставить себе в заслугу, было то, что он ни разу не подписал смертного приговора.

Когда убийца Великого Князя Сергея Александровича Каляев был приговорен судом к смертной казни, (это было государственное преступление, а не уголовное убийство), то император Николай II сразу же изъявил согласие помиловать его, если он представит прошение о помиловании. И вот прокуроры и судьи и сама супруга убитого великого князя, Великая княгиня Елизавета Федоровна, лично ездили в камеру к Каляеву, упрасивали его подписать это прошение. До такой степени всем хотелось спасти его от казни.

Таковы идеалы русской культуры в вопросе о смертной казни. Этот идеал «не убий». Нельзя убивать человека — потому что он человек. Этот идеал, как мы видели, чисто духовного происхождения, основанный на вере в человека, который не может быть без веры в Бога.

Вопрос о войне. — Говоря о смертной казни, мы коснулись и вопроса о войне. Мы видели уже, что Соловьев, например, отчетливо различает смертную казнь от убийства на войне. Убийство человека или людей само по себе — не есть цель войны, не принадлежит ей по существу, а потому война допустима или нет в зависимости от цели. Какие же это цели?

Русская культура, — на этот раз надо обратиться к истории русской святости, — дала ответ и на тот вопрос. Когда в 1380 году великий князь Димитрий Донской пришел к преподобному Сергию просить благословение на бой с татарами, которые в это время были господами Руси, то преподобный Сергей далеко не сразу согласился дать это благословение. Во всяком случае мотивы чисто политические, желание видеть Русь независимой от татар, и ради этого идти против них войной, были ему совершенно чужды. Он говорил князю так: «Прежде пойдешь к татарам с правдою и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. И Писание учит, что если такие враги хотят от нас чести и славы — дадим им; если хотят золота и серебра — дадим и это; но за имя Христово, за веру православную, подобает душу положить и кровь пролить. И ты, господин, отдай им и честь и золото, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас. Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их непреклонную гордыню». Итак, воевать можно и нужно, если речь идет о защите веры Христовой, о защите высших интересов. Для защиты же интересов узкополитических, земных, материальных, преподобный Сергей благословения дать не хотел и лишь после того, как великий князь убедил угодника, что речь идет о защите церкви и веры, преподобный

Сергий дал свое благословение. Таково идеальное правило, содержащееся в сокровищнице нашей культуры.

Однако, что же делать рядовому солдату или офицеру? Если его призывают на войну, то неужели же он, если считает эту войну, скажем, несправедливой, должен отказываться от подчинения и не идти? Конечно, нет. И на этот вопрос мы находим ответ в идеальных художественных образах нашей литературы. В «Войне и мире» Толстого мы встречаем образ истинного воина, служителя долга, капитана Тушина. В бое под Шенграбенем он совершает подвиги великой храбрости, безстрашно сражаясь, как истинный воин, но потом никогда и нигде не ищет ни славы, ни первого места, предпочитая остаться незамеченным. Исполняй свой долг и не ищи своего — вот правило для всякого отдельного воина.

Незаметный герой. — Русская литература сумела сказать здесь еще одно замечательное слово. Она сказала, что истинный герой всегда незаметен уже потому, что он сам совершенно не видит и не замечает величия собственных поступков. Да и кроме того, взятые с внешней стороны, подлинно героические подвиги действительно незаметны и обыкновенны. Ну, что замечательного в том, что молодая девушка-невеста поехала хлопотать за своего жениха? И однако пушкинская Маша Миронова из «Капитанской дочки» — настоящая героиня. Или что особенно замечательного в том, что Тушин стрелял из своих пушек, когда все должны были стрелять?

Красота человеческих дел не в их внешней эффектности, а в той беззаветной жертвенности, с которой они совершаются. И это нам говорит и этому нас учит русская культура в своих идеальных образах.

Национальность и национализм. — Война связана с понятием национальности и с вопросом о национализме. Можно двояко смотреть на национальную идею. Можно считать, — и это наиболее распространенный подход к делу, — что национальная идея заключается в возвышении моего отечества, и что ради этого необходимо отдать все свои силы и мысли. Пусть другим будет хуже, лишь бы нам было хорошо. Я слышал восторженный рассказ одного быв. офицера, который вспоминал о своем учителе географии в корпусе. Если кадет, отвечая урок, ошибался и, показывая на карте границы России, захватывал чужие страны, то учитель не протестовал: «Ошибся. Ничего — завоюем!» Если, же наоборот, ошибка была во вред России, то ученику немедленно ставилась скверная отметка и его сажали на место. Что плохо: когда у нас отнимают, то, что нам принадлежит, а что хорошо? Хорошо, когда мы сами отнимаем чужое. В роде, как рассказ про готтентота, который говорил, что хорошо, когда он украдет чужую жену, и плохо, если у него украдут его. Но

есть и другой взгляд на национальную идею : народ только тогда творит великие дела, когда он служит всему человечеству. Я должен любить свое отечество, но не из-за национального эгоизма, а ради того служения всему человечеству, которое возложено на мой народ Богом. Каждый народ несет ответственность за свое бытие в мире, каждый должен выполнять свое служение, и если он этого не совершает, то он погибает.

С этой точки зрения отпадает прежде всего самый вопрос о том, какой из народов лучше и какой хуже. У каждого народа есть свои достоинства и свои недостатки, культура каждого народа имеет свой облик, и каждый народ в культурном отношении восполняет то, чего не хватает другим. Вот об этом тоже русская культура в своих высших достижениях нам постоянно напоминает. « Не помысли злом на татарина, не убей в чистом поле христианина ». Это говорит отец нашего знаменитого богатыря Ильи Муромца, благословляя его на ратный подвиг.

« Не помысли злом на татарина » — не забудем, что татары были нашими злейшими национальными врагами. Так вот и на злейшего национального врага нельзя даже помыслить злом. Врагов надо любить. Таков нравственный идеал выдвигаемый в нашей былинной поэзии.

И дальше наша русская культура, в своих высших точках, не сходит с этого идеала.

Когда в 1088 году, уже после так называемого разделения церковей, мощи величайшего восточного Святого, Николая Мир Ликийских Чудотворца были перевезены из Малоазийского города Мир в Бари, на Запад, к христианам « латинского языка », то Русская Церковь ввела у себя праздник 9 мая в честь этого перенесения. В составленной по поводу этого события повести, в древнейшем памятнике русской литературы, выражается великая радость, что западные христиане, хотя и несродные нам, получили счастье обладать этими мощами. Когда в XII веке русский игумен Даниил посетил святую землю, то в оставленном им описании ⁽¹⁾ нет и тени враждебного отношения к чужим народам : он смотрит на них, как на таких же христиан, как и он, людей одной с ним веры. Возьмем более поздние времена. Из подчиненных России народов были два, с которыми мы были как будто во вражде — это финны и поляки. Что касается Финляндии, то надлежит помнить, что по существовавшим в дореволюционное время законам, Финляндия пользовалась автономией : там был свой парламент (сейм), действовали свои законы, была своя монета, свой университет, причем, понятно, все делопроизводство велось на финском языке. В Финляндии не было своего войска, но финны не призывались и на русскую службу. И вот, при всем этом, всякий финн, оставаясь финским подданным, мог

⁽¹⁾ В известнейшем памятнике русской литературы XII в. « Хождение Игумена Даниила во святую землю ».

служить в России на любой службе и пользоваться всеми правами русского гражданина, не принимая при этом русского подданства — мог быть офицером, судьей, учителем, адвокатом и т.д. Никакой разницы в правах между ними и русскими не было. Была только разница в обязанностях — русские должны были отбывать воинскую повинность, а финны от нее были освобождены. Но вот русские в Финляндии такими правами не пользовались, а рассматривались, как иностранцы. Для того чтобы пользоваться правами финнов, они должны были оставить русское подданство и стать финскими гражданами. Это положение было изменено только в 1910 году, когда русские проживающие в Финляндии получили те же права, что и финны, проживающие в России и надо сказать к большому негодованию и возмущению финнов. Это положение есть тоже произведение русской культуры — в области права.

Иное дело с Польшей; наш закон, лишивший поляков их национального бытия, был жесток. Но наша русская культура восставала против этого закона в мыслях и поведении лучших русских людей.

Русское образованное общество всегда было в данном вопросе заодно с поляками и против правительства. Стеснения и угнетения поляков рассматривались, как наши общие стеснения, которые мы переживали вместе с ними из-за ошибочной и вредной в данном вопросе политики правительства. Русское передовое общество никогда не было солидарно со своим правительством, там где дело шло об угнетении и преследовании других народов, кто бы они ни были, финны, поляки, евреи или кто другой.

И тут русская культура говорит нам новое слово правды: все народы имеют одинаковые права на существование и нельзя не любить чужой народ за то, что он чужой.

Международная политика. — Но кроме народов, живших в России и подчиненных русской власти были и другие. Какому отношению к ней учила нас наша культура? Очень показательным примером является в этом отношении история русской православной миссии в Японии во время русско-японской войны. Еще перед началом этой войны, когда отношения между русским и японским правительством стали очень натянутыми, многие из принявших православие японцев были в недоумении, как они должны будут себя вести после объявления войны: ведь Церковь, к которой они принадлежат, подчинена Российскому Святейшему Синоду, ведь во главе русской миссии в Японии стоит русский архиепископ Николай. Как быть? Преосв. Николай, хотя и был русским, ответил, что тут дело совершенно ясное: с момента объявления войны, Россия станет их национальным врагом, и они, как христиане, должны будут защищать свое отечество и с совершенно чистой совестью исполнять свой

долг, сражаясь против русских. Занятая преосв. Николаем позиция была всецело одобрена и его высшим духовным начальством Св. Синодом и Государем Императором.

Поэтому в течение всей войны преосв. Николай оставался в Японии и руководил своей японской паствою.

Наконец, что касается идеалов русской международной политики, то таким идеалом был всегда мир, не тот мир, о котором нам кричат и пишут в наши дни, желая в сущности не мира, а безболезненного и легкого порабощения тех, кто не согласен с нынешними миротворцами. Нет, идеалом русской международной политики был мир основанный на свободном и дружественном общении. У нас был великий государь наш царь-миротворец, Император Александр III, которому этот идеал удалось поднять на необыкновенную высоту. Когда в 1894 году этого государя не стало, известнейший русский историк, один из коренных представителей истинной русской культуры профессор. В. Ключевский, произнес речь, посвященную памяти усопшего императора, в которой он, между прочим, сказал, что до сих пор Европа видела в нас представителей монгольской косности, каких то навязанных приемшей культурного мира. Под гнетом такого взгляда и Россия привыкала косо и недоверчиво смотреть на Западную Европу, и вот после смерти Императора Александра III и органы общественного мнения Европы заговорили о России правду. Оказалось по их признанию, что европейская цивилизация недостаточно и неосторожно обеспечила себе мирное развитие и для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе, что горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу и каждый раз заботливая и терпеливая рука русского царя тихо и осторожно отводила его. И тогда Европа признала, что Царь русского народа был и государем международного мира и порядка. И этим признанием подтвердилось историческое призвание России.

Много веков назад старинный русский летописец оплакивал неудачу III-его Крестового похода, как общую беду всех христиан, называя павших крестоносцев «мучениками святыми». Это все тот же великий идеал выработанный русской культурой — тот самый идеал мира, который завещала нам наша древняя иконопись.

Сын Императора Александра III, трагически убиенный император Николай II в этом смысле продолжал дело отца : именно, он первый поднял вопрос о необходимости ограничения вооружения и всеобщего разоружения.

Борьба классов. — Кроме столкновений между народами существует еще борьба классов. Что великого сказала нам русская культура относительно этой борьбы?

В России дольше, чем где бы то ни было, сохранился сословный строй и сословное неравенство, с течением времени, не только не шло на убыль, но, напротив, возрастало. Крепостное право созда-

вало для крестьянства состояние зависимости, приближавшейся к рабской. И вот, просвещенная часть высшего сословия, дворянства, начинает тревожиться таким положением вещей. В этом высшем слое общества развивается чувство и сознание своей нравственной ответственности перед простым народом. Появляется особый тип кающегося дворянина. Симпатия к простому народу усугубляется, повышается сочувственный интерес к участи народа, к его быту, правам и мировоззрению. Народ становится главным предметом изображения в литературе.

Наряду с этим в этом высшем слое растет и чувство смирения. Достоевский и Толстой призывают нас учиться у народа: «Смирись, гордый человек» говорит Достоевский.

Вот он, новый завет русской культуры в применении к социальным отношениям: не ищи своего, не гордись, а смирайся.

Пусть этот последний завет и будет необходимым выводом из всего, только что сказанного. Возвышены и велики идеалы великой русской культуры, убога и неприглядна была русская действительность, настолько убога, что, если судить по ней одной, нельзя было бы и вообразить что у такого народа могут быть столь высокие идеалы.

Произвол, насилие над человеческой личностью и полное неуважение к ней, нужда, невежество, вопиющая социальная несправедливость, реки крови, пролитой в течение нашей истории — вот эта действительность. Сделаем же вывод: идеалы нашей культуры высоки, но именно от этого гордиться нам нечем. Ибо чем больше расстояние между идеалом и действительностью, тем страшнее наша ответственность.

Высокий культурный идеал это всегда и прежде всего суд тому народу, у которого он явился.

И действительно, менее всего было свойственно подлинно культурным слоям русского общества то чувство, которое принято называть «национальной гордостью». В наших университетах наши профессора нам никогда не говорили: **а у нас лучше**, а старались всегда показать хорошее у других, дабы и свое сделать лучшим.

Велика была пропасть между действительностью русской реальной жизни и величием идеалов русской культуры. Но эти идеалы были, и мы знаем куда идти. Теперь хотят убить и самые идеалы: вместо мира выдвигается идеал борьбы и истребления, вместо любви ненависть, вместо снисхождения и прощения — презрение и месть — все ради материалистического преобразования мира.

Но убить эти идеалы нельзя. В марксизме большевицкий материализм дошел до последней степени ясности и определенности. И эта самая определенность показывает, что можно представить себе лишь два пути спасения мира, два пути его

преображения. Или без Бога и против Бога, снизу, и тогда надо становиться большевиком.

Или с Богом, сверху, и тогда надо быть христианином. Третьего же пути нет, так же, как либо Бог есть, либо Его нет.

Вот поэтому-то время, в которое мы живем, является таким ответственным. Долг каждого из нас сделать выбор, выбор между Богом и его противниками, между Христом и Антихристом, между Церковью и большевизмом. Уйти от этого нельзя, т.к. мы все равно силою вовлечены в борьбу и, сознательно или бессознательно, будем либо делать дело Божие, либо дело сатанинское. Если же, по лености или малодушию, уклонимся от решения, то лишь увеличим свою ответственность.

Пойдем же скорее не вниз, где смерть и тьма, а вверх, где жизнь, солнце и правда.

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.

Настоящая статья является развитием мыслей, высказанных проф. П. М. Бицилли в его «Краткой истории Русской Литературы», часть II, София 1934 г.

Безбожные писатели постоянно повторяют, что светила русской культуры, в частности, лучшие русские писатели были безбожниками. Самым постоянным и упорным приемом для внедрения этой « истины » в головы советских подданных является изъятие из обращения, то есть запрещение читать те произведения русской литературы — и при том самые великие —, которые говорят о Боге, о Его правде, о Его любви и из которых видно, что безбожник может и должен быть либо преступником, либо безумцем. Для церковного человека в этом нет ничего ни удивительного, ни нового, ибо он помнит слова Псалмопевца : « Сказал б е з у м е ц в сердце своем : нет Бога. Они (т.е. безбожники) развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро ». (Пс. 13, 1; 52, 2).

Вот эта истина полной г и б е л и человека от безбожия была до глубины понята и прочувствована величайшим нашим русским писателем Ф. М. Достоевским (род. 30 окт. 1822 г. — сконч. 28 янв. 1881 г.) важнейшие из произведений которого (такие, как « Идиот », « Бесы », « Братья Карамазовы ») изъяты из обращения в С.С.С.Р. : их не печатают и не выдают для чтения в библиотеках.

Л. Н. Толстой изображает действительную жизнь, стремясь, вместе с тем, в художественных формах раскрыть ее смысл. Чтобы найти, разгадать этот смысл, Толстой стремится почувствовать жизнь в с е х людей, жизнь в с е г о человечества в смене в с е х поколений, жизнь природы в смене в с е х ее

явлений, как жизнь целого, подчиняющегося Божественной Воле, которую нельзя мыслить иначе, как доброю, благою. Добрая, благая воля Провидения руководит всем — в этом состоит мудрость Толстого.

Достоевский на этом не успокаивается. Ход его мысли начинается с тревоги, с сомнений. Если эта Воля — благая, добрая, то откуда же зло в мире? Откуда страдания подчас ни в чем неповинных существ? В романе «Братья Карамазовы» Иван Карамазов откровенно говорит своему брату, Алеше, что Бога он согласен признать и принять, но что мира, созданного Им он не принимает. Как Бог, если Он действительно благ, допускает страдания невинных детей? И если в конце истории или за порогом истории, в будущей жизни, в раю, наступит всемирная гармония, то и в этом случае Иван Карамазов не согласен этой гармонии принять, ибо она все равно не стоит и единой слезинки невинно страдающего младенца. В такую гармонию он входить не желает и свой «билет» на право входа в нее «почтительнейше» Господу Богу возвращает.

Вопрос, поставленный Иваном Карамазовым, конечно, не нов, и то, что он — не нов, каждый из нас знает по опыту. Не слыхали ли мы и не спрашивали ли мы и сами (и не раз!) : за что такое горе (скажем, смерть любимого ребенка, смерть отца, матери, жены, мужа) обрушилось именно на этого человека или на эту семью? За что такое наказание? И часто, очень часто к этому присоединяется и то, что эти страдальцы и без того много уже в жизни страдали и терпели. Почему счастливы и благоденствуют другие люди, часто далеко не такие добрые и отзывчивые, как эти? За что страдают слабые и, в большинстве случаев нравственно добропорядочные, нравственно высокие люди, а другие, гораздо менее достойные, а то и просто совсем негодные, благоденствуют?

Вопрос этот не только житейский, обывательский. Этот вопрос, с большей или меньшей остротой, с большей или меньшей глубиной, ставился и величайшими философами и величайшими религиями мира. Из религий его, прежде всего, очень выпукло поставил буддизм.

Сакья Муни Гаутама Будда, впоследствии великий мудрец и основатель буддийской религии, был, по известному сказанию, сыном одного индийского царя. Желая, чтобы его сын был счастлив, отец решил уберечь его от всякого беспокойства, от всякой неприятности. Он хотел, чтобы жизнь его сына была сплошным наслаждением. Для этого он поместил его в велико-лепном дворце, в роскошной, сказочной обстановке. Царевича окружали прекрасные воспитатели, ограждавшие его от всякой тревоги. Воспитателям и слугам было строжайше запрещено говорить царевичу о том, что на свете существует горе, даже и о том, что на свете существуют бедность, болезни, старость и смерть.

Достигши юношеского возраста, царевич стал замечать, что его содержат точно в тюремном заключении. Он стал протестовать и успокоился только тогда, когда получил возможность выходить, куда он захочет. Царь был вынужден уступить своему сыну, но отдал строгий приказ чтобы с пути следования царевича было устраняемо все, что могло бы возбудить в нем печальные мысли и чувства. Первое время приказ царя исполнялся в точности, но затем слуги стали относиться к своему делу более небрежно. Однажды царевич увидел двух людей, из которых один был в проказе, а другой — слепой. Он спрашивает своих приближенных, что с этими людьми, и в первый раз узнает, что на свете существуют болезни. Через несколько дней после этого царевичу попался навстречу человек со сморщенным лицом, беззубый, с белыми волосами, с трясущимися руками и дрожащими ногами; он еле передвигался, опираясь на палку. Царевич опять спросил, что это за страшный, невиданный человек, и узнал, что на свете существует старость, что она, кроме того, непременно наступит для всякого, кто достигнет известных лет. Наконец, опять по недосмотру слуг, он встретился с погребальным шествием и узнал, что всех, живущих на земле, рано или поздно ждет неизбежная смерть. Все это приводит царевича к тому, что он покидает отчий дом, делается отшельником, уходит из мира. Он становится мудрецом, Буддой, и создает то религиозное учение, которое носит его имя.

Христианство гораздо острее, большее и реальнее представляет нам ту действительность горя и страдания, которая так потрясла Будду. Да, в мире существуют болезни, бедность, старость и смерть, но этого мало: самое страшное — это то, что все страдания с наибольшей тяжестью ложатся именно на тех, кто их не заслуживает, на святых, на праведников, на самых лучших, на самых достойных из всех людей, которые, по словам св. ап. Павла, «испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях (т. е. в овечьих шкурах) и козьих шкурах, терпя недостатки, скорби и озлобления: те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, пещерам и ущельям земли». (Евр. 11, 36-38).

В этом — смысл всей драмы Иова, в этом смысл и значение Креста: самый Праведный из праведных, безгрешный Богочеловек страдает глубже и тяжелее всего мира, всего человечества в совокупности и каждого человека в отдельности. Поэтому Достоевский, ставя этот же самый вопрос во всей его полноте, во всей его остроте и глубине, ставит его уже по-христиански, ибо знает, что вне христианства разрешить этот вопрос нельзя, что только в христианстве понятие о подлинно невинных страданиях есть одновременно понятие о всечеловеческих страданиях Самого Праведного из праведных, Самого Святого из всех святых, безгрешного Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа.

С самого начала своей литературной деятельности Достоевский обращает главное внимание именно на эту сторону дела, то есть не только на самый факт страданий, но и, главным образом, на то, что страдают люди несправедливо, что страдают преимущественно невинные и, при том, слабые, незащищенные. Это видно уже в его ранних произведениях, таких, как «Бедные Люди», «Униженные и Оскорбленные» и др.

Но он идет еще глубже: зачем дана человеку свобода воли, если сплошь и рядом эта его воля направлена на то, чтобы мучить себя и других? Толстой учил не противиться злу насилем. Мы знаем, что это учение вызывает серьезные возражения и с точки зрения своей практической выполнимости и, что гораздо важнее, с точки зрения своего несоответствия истинной справедливости и подлинному, неискаженному Христову учению. Указывают на то, что, при строгом понимании этого толстовского учения, придется отказаться от защиты невинных и слабых: боясь применить со своей стороны насилие, придется допускать безнаказанное применение насилия над невинными и слабыми, оставляя их без защиты и помощи. На это говорят иногда, что, раз, по Толстому, жизнь и все вообще земные блага — не суть блага, то и нельзя применять насилие, то есть принуждение для защиты таких благ, хотя бы жизни, хотя бы даже жизни слабого, незащищенного существа. Но это — явный абсурд, потому что, раз жизнь терпящего беззаконное нападение незащищенного существа — не есть благо, то тогда ведь и жизнь нападающего бандита и тем более не есть благо. Во имя чего же тогда мы должны жертвовать жизнью подвергнувшегося нападению невинного незащищенного существа ради несовершения «насилия» над жизнью разбойника? Да и что значит «насилие»? Мы понимаем под «насилием» всякое незаконное принуждение. Но Толстой, будучи анархистом, отрицал, конечно, различие между принуждением законным и незаконным. Но если под «насилием» понимать всякое принуждение, то тогда людям надо позволять делать все, чего они хотят. Логически придется исключить все принудительные меры и из области воспитания. Может быть, с точки зрения Толстого, под «насилием» следует понимать только физическое принуждение? Но тогда, скажем, закрытие дверей на ключ в целом ряде случаев будет мерой подлинного физического принуждения, физически принуждая не совершать тот или иной поступок несогласных или не желающих отказаться от того или иного дурного намерения. Нечего и говорить, что евангельский пример изгнания торгующих из храма ясно показывает, что толстовское понимание непротivления злу никаких корней в Евангелии не имеет.

Интересно, однако, что Достоевский не останавливается на этой стороне дела и не выдвигает всех этих возражений. Он идет глубже. Пусть так, как бы говорит он нам. Но как спастись от зла непротivлением злу насилем, раз насилие уже есть?

Ведь появилось-то оно впервые не в том, кто стал сопротивляться насилию, а в том, кто первый это насилие совершил. Откуда у человека желание творить насилие? Почему человеку присуща воля к насилию?

Если глубоко задуматься над этими вопросами, то можно прийти к сомнению в благодати Божией, то есть к сомнению в том, что Бог — добр, благ. В самом деле, если в мире царят зло и страдания, если эти страдания поражают людей в большинстве случаев несправедливо, если, наконец, желать творить зло, совершать насилие, присущее человеку, то каким же образом можно допустить существование всеблагого, милосердного, всеправедного Бога? Значит, Он — и не благ, не добр, и не милосерд и не всеправеден. Но немилосердный, злой и несправедливый Бог — уже не Бог. Значит, Бога нет.

И вот, Достоевский, величайший христианский мыслитель нового времени, пережил все эти сомнения. Позже он не раз говорил про современных атеистов, что им и не снились те глубины отрицания, до которых доходил он. Достоевский сам пережил муки неверия, порожденные разумом.

Он освободился от этих сомнений, но путь, избранный им для освобождения от них был особого рода. Вот этот путь. Достоевский начинает с того, к чему его эти сомнения привели: Бога нет. Если Бога нет, то человек свободен в мире безусловно, он царит в мире, подобно абсолютному, неограниченному монарху. Что из этого получается? И здесь мысль Достоевского движется по нескольким путям. Каждый путь надо пройти до конца. Достоевский проходит эти пути не способом отвлеченных рассуждений, а посредством образов. Мыслитель-художник, Достоевский каждую свою мысль воплощает: для него не существует чистой, отвлеченной, то есть одинаково всеми и каждым воспринимаемой мысли; задумываясь над чем бы то ни было, Достоевский всегда представляет себе живого человека, который всем своим складом наиболее подходит для того, чтобы быть выразителем данной мысли. И вот, идея неограниченной свободы человека допускает различные выводы, и каждому из них соответствует какой-нибудь человеческий образ. Вот первый путь. Человек безусловно свободен. Значит, для него нет нравственного закона, подчиняющего его волю. Значит, человек имеет право совершить преступление, и его достоинство обязывает его засвидетельствовать это на деле: воплощение этой идеи — Раскольников в романе «Преступление и наказание», совершающий убийство старухи — процентщицы, а, заодно, и случайно подвернувшейся ее сестры.

Человек безусловно свободен, а между тем он подвластен смерти. Для того чтобы до конца осуществить свою свободу, человек должен победить смерть. Победить смерть, но как? Что есть в смерти, что делает ее смертью, или, вернее, что именно в смерти парализует свободу человека и противоречит ей?

Достоевский, в лице своего героя Кириллова, отвечает: страх смерти. Победить смерть, значит — победить в себе страх смерти. Если же страх смерти будет побежден, то человек сможет бесстрашно убить самого себя, бесстрашно покончить жизнь самоубийством. Таким образом, человек окажется действительно свободным, если он сможет доказать свою победу над страхом смерти своим собственным бесстрашным самоубийством. Такова идея, владеющая Кирилловым в «Бесах».

Человек безусловно свободен и, стало быть, волен предаваться самым порочным наслаждениям, ничем себя не стесняя, ничем себя не ограничивая. В самом деле, если нет Бога, то нет и будущей жизни с воздаянием за добро и зло. Но тогда отчего же нам и не жить, как хочется и как кому приятно? Так живет Федор Павлович Карамазов. (Роман «Братья Карамазовы»).

Человек безусловно свободен. Но среди живущих на земле людей не всякий это понял, не всякий это осознал, не всякий дошел до ясного понимания, что Бога нет и что, следовательно, человек свободен от какой бы то ни было зависимости, может делать, что хочет. Поэтому, среди живущих на свете людей есть осознавшие эту свою свободу (таких мало) и есть масса, большинство, которые этого не осознали и которые этого не понимают. Раз это так, то свободный человек, естественно, имеет право господствовать над этой массой и вести ее, куда ему угодно. Такова идея, воплощенная в лице Петра Верховенского из романа «Бесы».

Так, в каком бы направлении ни двигалась мысль от исходной точки, состоящей в отрицании бытия Божия, в признании безусловной свободы человека, в независимости его от Бога (в самом деле, раз Бога нет, то человек и не может от Него зависеть; раз Бога нет, то человек существует сам по себе, жизни своей он от Бога и, стало быть, ни от кого не получил, он существует самостоятельно, независимо и поэтому от всего свободен) в каком бы направлении, как бы говорит нам Достоевский, ни двигалась мысль от этой исходной точки, отрицания бытия Божия — конечный итог — один: это всегда катастрофа, гибель, Кириллов убивает себя, Раскольников, убив другого человека, чувствует, что тем самым порвалась связь между ним и другими людьми, Федор Павлович Карамазов нравственно разлагается; Петр Верховенский воображает, что, поработив людей насильем и обманом, он поведет их к полной свободе в будущем идеально устроенном обществе. Но его товарищ Шигалев додумывает мысль Верховенского до конца: в этом идеально устроенном обществе, существующем единственно для того, чтобы наслаждаться жизнью на земле, масса, сытая и довольная, будет в полном порабощении у немногих, способных к свободе и достойных ее. Такое извращение идеала земного рая неизбежно, ибо отнять у людей Бога, уничтожить нравственные основы обще-

жития — значит ввергнуть людей в состояние животности. Духовная гибель подстерегает человека уже с самого начала того пути, который приводит его к основному допущению, то есть к допущению того, что Бога нет. Иван Карамазов еще не отрицает Бога, но он присваивает себе право спорить с Богом, ставить Ему вопросы. Присваивая же себе это право, он присваивает себе также и свободу желать. Он сам не в состоянии убить отца, но позволяет себе желать его смерти и не скрывает этого. Тем самым он становится косвенным соучастником Смердякова, прямого убийцы его и своего отца, Федора Павловича Карамазова.

Так воображение Достоевского, следуя по путям развития его мысли, создает свой мир, в котором царят безумие, порок, преступление и смерть. Часто, говоря о Достоевском, ставят ему в упрек, что он изображает таких людей, каких на самом деле не бывает. Кто так говорит, тот забывает, что Достоевский и не ставит себе целью изображать людей такими, какими мы их видим в повседневной жизни. Мир Достоевского — это не действительный мир, каким мы его видим, а мир воплощенных идей.

Однако, он всегда пишет правду, и вот в чем эта правда. Часто говорят: разве вера в Бога делает людей лучшими? Мы знаем многих неверующих в Бога, и они гораздо добрее и сердечнее, чем те, которые в Бога веруют и в церковь ходят. Достоевский показывает нам, что это не так. Тот, кто действительно, продуманно, серьезно, по настоящему отвергает Бога, для того все позволено, такой человек не может подчиняться никаким нравственным правилам. Мир Достоевского есть истинный мир действительно, по настоящему и до конца отрицающих Бога людей. Если же мы встречаем многих людей, не ходящих в церковь и не молящихся Богу, часто, на словах, даже отрицающих Его бытие, но которые оказываются на деле лучше и чище людей, называющих и считающих себя верующими, то это происходит оттого, что ни эти, так называемые «неверующие», на самом деле — не «неверующие», а просто не думающие серьезно над всеми этими вопросами люди и не решающиеся до конца продумать свое «неверие» и сделать все необходимые выводы; ни вторые, считающие себя «верующими», не являются истинно верующими, а тоже ленивыми, не желающими понять, к чему обязывает людей вера. Соблюдение же внешних религиозных форм, обрядов и проч., вовсе еще не есть бесспорный и достаточный признак того, что человек действительно верует в Бога и предан ему.

Но если, таким образом, отвергнуть истины бытия Божия нельзя, не рискуя неизбежно впасть в небытие, в смерть и в разложение, если ясно, что без Бога нет и жизни, никакой жизни, то как же ответить на вопрос о существовании зла, о существовании (и это главное) невинных страданий? За что

страдают невинные и как возможно вознаградить их за эти невинные страдания? Достоевский отвечает на этот вопрос, выдвигая, прежде всего, идею всечеловеческой и общечеловеческой солидарности. «Каждый за всех виноват, то есть каждый человек отвечает за грехи всех людей, за все зло в мире, ибо если бы каждый старался быть лучше, чем он есть — рассуждает старец Зосима («Братья Карамазовы»), то и все были бы лучше. Так-то грехи, преступления одних влияют и на других. Поэтому страдания праведных, невинных имеют искупительный характер: невинные страдают за других, за чужие грехи. И в этом второй, углубленный смысл того, что «каждый за всех виноват». В этом — истина Креста; этим объясняется то, что страдания Праведнейшего из праведных, Невиннейшего из невинных спасают всех. В этом — истина Искупления. Таким образом, страдания невинных находят свое объяснение и оправдание в Тайне Креста, в Тайне Искупления. Ясно поэтому, что всякое подлинно невинное страдание есть, в какой-то мере, с о у ч а с т и е в искупительных страданиях Христовых.

Вот почему Алеша Карамазов, отвечая своему брату Ивану на его сомнения, говорит, что Христос, принявший на Себя грех всего мира и искупивший всех и все, может и все простить.

Все романы Достоевского представляют собою развитие одной и той же идеи. Эта идея — в том, что зло происходит от искажения человеком Божественной Истины. Эту идею Достоевский, как мы уже говорили, не д о к а з ы в а е т, а наглядно п о к а з ы в а е т в рисуемых им человеческих образах, из которых каждый, опять-таки, является воплощенной идеей.

Если мы зависим от Бога и если только в Боге жизнь, то человек должен с м и р и т ь с я пред Ним, признать эту свою зависимость от Него и в мыслях и в деле. Отсюда ясно, что истинный человек — не «сверхчеловек», считающий себя выше и лучше других, а «всечеловек», то есть такой, дух которого должен быть открыт в с е м у, что все человечество, все народы, продумало и переживало за всю свою историю. Достоевский проповедует в с е п о н и м а н и е, всечеловеческую отзывчивость и восстает против национальной узости и исключительности. Он верит, что способность сочувственного всепонимания свойственна именно русскому народу. Отсюда видно, как основная идея Достоевского должна привести нас к усвоению и той идеи, за которую, по Достоевскому, должен бороться русский народ: это — идея духовного братства, единения всех народов, всех людей в Боге, то есть та же идея, за которую боролся и другой великий русский мыслитель, младший друг Достоевского, Владимир Соловьев — идея Вселенской Церкви.

Достоевский всегда был против большевицкой мысли о том, будто «религия несовместима с наукой». Как раз наоборот. Вера, учит Достоевский, не понижает наши духовные способности, не есть «опиум для народа», а повышает их, приводя нас к разу-

мению сокровеннейших таин, возвещенных нам Словом Божиим. Святой, в понимании Достоевского (как старец Зосима в «Братьях Карамазовых»), превосходит обыкновенных людей не только нравственно, но и умственно. Он — прозорливец, провидец и тайновидец.

Так-то на примере Достоевского можно ясно видеть, до чего ложно большевицкое утверждение, будто все русские великие люди, все творцы русской культуры, либо были прямыми безбожниками, либо шли к безбожию: мысль о смирении пред Лицом Божиим — основная идея всего творчества Достоевского.

При этом надо помнить, что эта идея не была у него результатом «слепой веры», а прошла через долгий и мучительный опыт, через «горнило сомнений» и таких глубоких сомнений, которые как мы уже упоминали, никогда не доходили до сознания «идеологов» нынешнего большевизма и никогда им не снились.

**Электронное издание подготовлено
Отделом религиозного образования и
катехизации Ижевской и Удмуртской
епархии**

www.izhoroiik.ortox.ru

